

Концепт дом как неотъемлемая составляющая лингвокультурного пространства белорусских волшебных сказок

Шаколо А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается концепт «дом» как один из важнейших компонентов сказочного дискурса на материале белорусских волшебных сказок.

Цель статьи – проанализировать концепт «дом» в дискурсе белорусских волшебных сказок как неотъемлемую составляющую их лингвокультурного пространства.

Материал и методы. *В качестве материала исследования были выбраны белорусские волшебные сказки, записанные Л.Г. Барагом. В ходе исследования были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурс-анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Нами был проведен анализ концепта «дом» в белорусских волшебных сказках «Асілак-работнік і поп», «Сірата», «Браты-багатыры», «Няшчасны Егар», «Браты-ваўкалакі і сястра», «Іван Іванавіч – царэвіч», «Аб ведзьме, як сына жаніла» и «Каваль». Во всех сказочных текстах была отмечена особая важность «дома» как неотъемлемого компонента белорусского лингвокультурного пространства. Помимо особенно трепетного отношения героев к родному дому был выявлен мотив возвращения домой (даже после воцарения героя) и неоднозначность образа лесного дома.*

Заключение. *Концепт «дом» в рассмотренных нами белорусских волшебных сказках выступает в трех вариациях: родительский дом, лесной дом, а также новый дом (обретаемый, например, после воцарения). В ряде случаев данные вариации могут пересекаться. Отношение к дому персонажей белорусских сказок если и меняется, то только в лучшую сторону, а радость возвращения или обретение нового дома становится неизменным лейтмотивом концовки сказки. Отмеченные закономерности свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований в данном направлении, равно как и об особенной значимости концепта «дом» для лингвокультурного пространства белорусских волшебных сказок.*

Ключевые слова: *концепт «дом», сказочный дискурс, белорусские волшебные сказки, лингвокультурное пространство.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 48–52)

Concept Home as an Integral Component of the Linguistic and Cultural Space of Belarusian Fairy Tales

Shakolo A.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article considers the concept „home” as one of the most important components of fairy-tale discourse based on the material of Belarusian fairy tales.

The purpose of the article is to analyze the concept of home in the discourse of Belarusian fairy tales as an integral component of their linguistic and cultural space.

Material and methods. *Belarusian fairy tales collected by L.G. Barag were chosen as the research material. To solve the set tasks, descriptive, comparative methods and the method of discourse analysis were used.*

Findings and their discussion. *We have analyzed the concept of home in the following Belarusian fairy tales: “The Strong Worker and the Priest”, “The Orphan”, “The Brothers-Heroes”, “The Unlucky Egar”, “The Werewolf Brothers and Their Sister”, “Ivan Ivanavich, the Prince”, “How the Witch Found a Wife for Her Son” and “The Blacksmith”. In all these fairy-tale texts, the special importance of “home” as an integral component of the Belarusian linguistic and cultural space was noticed. In addition to the especially respectful attitude of the main characters to their family home, the motive of returning home (even after the enthronement of the protagonist) and the ambivalence of the image of the forest home were revealed.*

Conclusion. *The concept of home in the Belarusian fairy tales, which were considered by us, appears in three variations: the family home, the forest home, as well as a new home (acquired, for example, after accession). In some cases, these variations may overlap.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: aleksasch-94@yandex.by – А.В. Шаколо

The attitude to the home of the characters of Belarusian fairy tales may change, but only for the better, and the joy of returning or finding a new home becomes an invariable keynote of the ending of the fairy tale. These examples confirm the need for further research in this direction, as well as the special significance of the concept of home for linguistic and cultural space of Belarusian fairy tales.

Key words: *the concept „home”, fairy-tale discourse, Belarusian fairy tales, linguistic and cultural space.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 48–52)

Исследования в области дискурсивного анализа текста представляют все больший интерес для лингвистов всего мира. Под дискурсом мы понимаем языковое выражение общественной практики, равно как и ситуативный контекст в сочетании с самим текстом [1, с. 230–232], что не исключает множества других вариантов трактовки.

Вопросы общей дискурсивной теории, сказочного дискурса и концептуального анализа проанализированы в трудах таких ученых, как В.А. Маслова, А.Ю. Брицына, В.Г. Борботько, В.В. Иванов, В.И. Коваль, С.Г. Лазутин, С.Ю. Неклюдов, В.Я. Пропп, В.Н. Телия, М.В. Пименова. Неизменно актуальным вопросом остается выделение важнейших компонентов сказочного дискурса. В нашем исследовании таковым является концепт *дом* – один из основополагающих концептов дискурса волшебных сказок.

В дискурсе волшебных сказок основным местом действия в большинстве случаев являются дом и лес. Обе локации можно считать основными, так как они реализуют оппозицию «свой – чужой», лежащую в основе любой культуры. Концепт *дом* – один из ключевых концептов сказочного дискурса. Под ключевым концептом мы понимаем тот, который является неотъемлемым элементом дискурса. Более того, он присутствует в большей части волшебных сказок, а также играет ключевую, сюжетобразующую роль в каждой из них (ср. *дом* как близкое, дорогое для главных героев место, куда они возвращаются в конце сказки либо которое они обретают после воцарения).

С учетом названных признаков *дом* – ключевой концепт. Помимо прочего, *дом* универсален как место, в котором начинается действие сказок. В *доме* проходит детство главных героев, там живет их семья. Этот же *дом* они по той или иной причине вынуждены покинуть в дальнейшем, что служит завязкой. Впоследствии герои сказки возвращаются или находят новый *дом*, и на этом сказка завершается.

Факт важности концепта *дом* непосредственно для завязки волшебной сказки подчеркивается В.Я. Проппом в «Исторических корнях волшебной сказки» [2, с. 193–194]: благополучие главных героев нарушается вначале отлучкой кого-либо из членов семьи (отца, мужа, обоих родителей или же самих детей и пр.), а затем – нарушением запрета, зачастую связанного с *домом*. При этом В.Я. Пропп ссылается на исследование Дж. Фрэзера «Золотая ветвь. Исследование магии и религии». В нем Дж. Фрэзером подробно описываются многочисленные табу в среде царей или жрецов, а также их детей, связанные с *домом*; одно из наиболее существенных – запрет покидать дворец [3, с. 260–261].

Дом как концепт воплощает первую часть оппозиции «свой – чужой» в дискурсе волшебных сказок, так как именно в нем заключается все близкое, родное, безопасное для персонажа – в противовес непредсказуемости *леса*. Сказочные тексты служат подтверждением того, насколько важную роль концепт *дом* играл в жизни наших предков.

Под лингвокультурным пространством мы понимаем массовое сознание представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества. Иными словами, это информационно-эмоциональное поле, которое вмещает все знания и представления культурного и материально-исторического характера [4, с. 58].

В данной статье мы анализируем концепт *дом* в белорусском сказочном дискурсе как воплощение «своего» пространства, выявим особенности отношения к *дому* в фольклоре белорусов.

Цель статьи – проанализировать концепт *дом* в дискурсе белорусских волшебных сказок как неотъемлемую составляющую их лингвокультурного пространства.

Материал и методы. В качестве материала исследования были выбраны белорусские волшебные сказки, записанные Л.Г. Барагом. В ходе исследования использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведем анализ концепта *дом* в белорусских волшебных сказках «Асілак-работнік і поп», «Сірата», «Браты-багатыры», «Няшчасны Егар», «Браты-ваўкалакі і сястра», «Іван Іванавіч – царэвіч», «Аб ведзьме, як сына жаніла» и «Каваль».

В белорусской волшебной сказке «Асілак-работнік і поп» [5, с. 330–334] действие начинается с того, что в лесу медведь похищает молодую девушку, забирает к себе в берлогу, и около полугода она живет там. У пленницы рождается ребенок и вместе с ним она сбегает от медведя, однако муж не рад ее возвращению: «Муж гэтыя маладую жаніўся на другой, і ён сказаў ёй, каб ішла туды, дзе круцілася і прыжыла дзіця» [5, с. 330]. Судя по тексту, какое-то время для главной героини домом была медвежья берлога, где она и родила сына, но в дальнейшем односельчане вернувшейся девушки приходят к следующему решению: «Людзі казалі так: штоб ён зрабіў ёй хату і даў гарод, так штоб ёй можна было пракарміцца з гэтым дзіцёнкам, што яна прыжыла з мядзведзем. Сагласіўся на гэта мужык, сагласілася і яго жонка. Пастроілі ёй хату і далі гарод, і яна жыла з гэтым дзіцёнкам так годы два» [5, с. 330]. Можем сделать вывод, что, хотя бывшего мужа главной героини и не заставили вернуться

к ней и помогать в воспитании ребенка, все же строительство дома и выделение участка земли для огорода подчеркивают важность концепта *дом* в волшебных сказках. Он является бесспорной основой существования главных героев: когда они становятся взрослыми, то покидают *дом* (в данном случае это произошло уже в два года, так как ребенок был необычным).

В сказке «Сірата» [6, с. 218–220] мать главной героини умирает, а отец женится на злой женщине, которая любила лишь свою дочь и стала всячески притеснять падчерицу. После того, как мачеха не пускает девушку в костел, сирота рвет цветы рядом с пустым домом, где встречает двух незнакомых людей. Она рассказывает им о своей тяжелой жизни, и те делают так, что с этого момента девушка начинает плакать не слезами, а жемчугом: «Так яны памеркаваліся і пэрламі абдарылі: каб яна, як плача, пэрлы сыпаліся» [6, с. 219]. Когда мачеха узнает обо всем, она отправляет туда же свою дочь, но незнакомые особы, узнав о ее характере, наказывают вторую девушку: «Прыйшла яна з касцёла і зачала смяцца: жабы так і падалі з рота» [6, с. 219]. Следовательно, даже таинственный пустой дом, возле которого герои сказок встречают незнакомцев, может привести как к награде, так и к наказанию. Все зависит от того, как тот или иной персонаж проявляет себя в повседневной жизни, – дома и, что не менее важно, в обществе. *Дом* человека рассматривается как личное пространство, в котором он может позволить себе то, что неприемлемо в гостях, в свете. Подобный подход находит отражение и в белорусских пословицах, например: *Госць, што нявольнік; у чужым двары ніхто не ўказчык; у чужой парафіі няма чаго ўказваць; дома ў сябе – як хочаш і як можаш, а ў госцейках – як скажуць* [7, с. 266].

Белорусская сказка «Браты-багатыры» [5, с. 35–40] подтверждает важность дома для сюжета, но при этом обозначает момент, когда главный герой принимает решение покинуть дом: «...Жылі-былі два браты: голас у голас, волас у волас, так што цяжка было адрозніць іх. Бацька іх памёр. Рашыў тут старэйшы брат, што нечага яму рабіць дома, і пачаў збірацца ў пуць-дарогу» [5, с. 35].

Как правило, решение оставить родной дом принимается после смерти отца или в случае, если герои взрослеют либо получают некое задание, например, от царя (инициация): такое развитие событий изображено в сказке «Няшчасны Егар» [6, с. 22–33]. При этом главный герой, женившись на девушке, которая помогла ему, вновь попадает в опасную ситуацию, так как слуги царя видят у его дома молодую жену и рассказывают об этом царю: «А ішоў хлопчык міма хвацеры Няшчаснага Егара, яго жана сядзіць пад вакошкам і шые. Заглядзеўся ён на яе красату і забыўся, куды і навошта яго паслалі» [6, с. 24]. После царь сам проезжает мимо дома протагониста и решает избавиться от него, чтобы жениться на понравившейся девушке.

«Браты-ваўкалакі і сястра» – сказка о братьях-оборотнях и сестре, спасающей их от чар, имеет

ряд схожих версий («Сястра і брацця-арлы», «Браты-птушкі і сястра», «Пра склятых братоў і сястру») [6, с. 123–133], однако именно в данном тексте особую роль играет лесной *дом* (избушка на курьих ножках).

Братья превращаются в волков после смерти отца: «Тады матка і дачка сталі плакаць па сваім бацьку, а сыны сталі скакаць» [6, с. 131]. За то, что они не проявили должного уважения к памяти отца, мать говорит, что ей было бы лучше видеть сотню волков, чем таких сыновей. Трое братьев превращаются в волков, а их сестра впоследствии отправляется на поиски оборотней: «Прыйшла ў пушчу. Відзіць, стаіць там хатка на курынай ножцы. Прыйшла ў хатку, нікога няма ў хаце» [6, с. 131]. Братья-волки приходят в лесную избушку и видят там свою сестру. В белорусской сказке условие спасения братьев – молчать и не плакать в течение семи лет. Девушку также просят взобраться на липу. На дереве девушку обнаруживает пан, который не женат, он же прогоняет выстрелами волков и предлагает главной героине выйти за него замуж. Также присутствует мать жениха, недовольная своею будущей невесткой. В качестве причины приводится немота девушки. Свекровь похищает собственных внуков (вначале говорится, что убивает, но впоследствии они оказываются живы), клеветает на главную героиню. В итоге девушку приговаривают к смерти в печи, но в последний момент ее спасают расколдованные братья. Свекровь получает по заслугам, и главные герои обретают счастье в финале. Несмотря на то, что, на первый взгляд, главным антагонистом является свекровь девушки, братья превращаются в оборотней во многом по своей же вине, нарушив основополагающие моральные нормы. Так молодые люди лишаются родного дома, но в лесном доме вновь встречают свою сестру, которая их спасает. Следовательно, концепт *дом* пронизывает весь сюжет сказки, что коротко можно сформулировать следующим образом: изгнание из родного дома – судьбоносная встреча в лесном доме – возвращение домой.

Примечательно, что при описании лесного дома используются диминутивы: *хатка на курынай ножцы, гаршчочки, шчэлачка* [6, с. 131]. Обратными живут в избушке на курьих ножках, и, узнав, что к ним пришла родная сестра, принимают ее довольно радушно, – таким образом, диминутивы подчеркивают преемственность между родительским домом и лесным. Отметим при этом, что трактовка лесного дома не всегда однозначно положительная. В своем труде «Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история» Ю.М. Лотман выделяет *дом* как свое, безопасное, культурное пространство, охраняемое покровительственными богами, и *дом* в лесу (так называемый антидом) – чужое, демоническое пространство, место временной смерти. Попасть в него равносильно путешествию в загробный мир. Ю.М. Лотман утверждает, что противопоставление *дома* антидому, т.е. дому в лесу является одной из универсальных тем мирового фольклора и находит

свое воплощение не только в народной культуре, но и в художественной литературе (произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова) [8, с. 264–265].

В другой белорусской сказке, «Іван Іванавіч – царэвіч» [6, с. 296–309], главный герой в восемнадцать лет просит отца отпустить его из дому посмотреть мир. Получив отцовское благословение, Иван впервые покидает дом и отправляется в лес на охоту: «Яму бацька даў роту салдатаў, даў каня, збрую, меч, ружжо. Ну, тады ён ездзіў, паляваў па лясах, па пушчах» [6, с. 296]. Перед тем, как жениться на падчерице Яги, главный герой возвращается домой на время и спрашивает отцовского совета [6, с. 297]. В дальнейшем сюжет сказки развивается в русле пушкинской «Сказке о царе Салтане»: жену главного героя с ребенком закрывают в бочке, и они оказываются на острове [6, с. 300–301]. Главным антагонистом данной белорусской сказки является Баба Яга, которую побеждает ее же внук, сын Ивана и падчерицы Яги, освободив своих братьев. В итоге вся семья обретает новый дом в Будай-городе, наслаждаясь заслуженным счастьем: «І сталі жыць у Будай-горадзе. І цяпер там жывуць» [6, с. 309].

В сказке «Аб ведзьме, як сына жаніла» [6, с. 120–123] созданы довольно яркие образы персонажей за счет действий самих героев: помощь и сочувствие сына ведьмы по отношению к главной героине, а также точное следование ею всем советам молодого человека, которое и позволяет победить волшебное зло. Главная героиня, юная девушка, покидает свой дом, выполняя просьбу отца: «Адзін чалавек не меў каго выправіць з пшаніцаю, так прыбраў сваю дачку па-мужчынску і выправіў яе ў дарогу» [6, с. 120]. Мужчина просит свою дочь отвезти пшеницу по месту назначения, так как попросить об этом ему больше некого. Он дает девушке мужскую одежду, и та отправляется в путь. Пшеница неразрывно связана с самым известным продуктом, изготавливаемым из нее, – хлебом. В.А. Маслова отмечает, что выделяют целый ряд кодов культуры, и гастрономический – один из них [9, с. 316]. В белорусской культуре традиции, связанные с уборкой зерна, имеют многовековую историю: «Спрадвеку пачатак жніва, як і яго заканчэнне, суправаджаліся земляробчымі абрадамі, якія падзяляюцца на тры часткі: *Агледзіны і Пакрыванне поля, Зажынкi і Дажынкi*» [10, с. 292]. В дальнейшем главная героиня оказывается в лесу. Там она приходит к лесному дому и просится у хозяев на ночлег: «Прынялі яе з ахвотаю. А то была вядзьмарская хата, і ў тых ведзьмароў быў адзін сын» [6, с. 120]. Ведьма с самого начала догадывается, что перед ней девушка, несмотря на то, что одета она, как мужчина, и всячески испытывает главную героиню. Когда та вынуждена признаться, что она девушка, сын ведьмы высказывает желание взять в жены главную героиню. Но антагонистка дает ей заведомо невыполнимые задания, которые девушка выполняет благодаря сыну

ведьмы. В итоге ведьма побеждена, а главная героиня выходит замуж за ее сына: «Тады яны ў двойзі пажаніліся і добра ўжо ім было» [6, с. 123]. Как видим на примере данной сказки, в лесном доме девушку ждут испытания с риском для жизни, но там же она встречает и своего помощника и будущего мужа в одном лице, который по совместительству оказывается сыном главной антагонистки сказки; таким образом главная героиня обретает в лесу новый дом с молодым человеком, который ее спас.

В белорусской волшебной сказке «Каваль» [5, с. 310–320] в некоем царстве люди голодают, и царь приказывает убивать детей, «каб не множыліся людзі, бо і гэтым няма чаго есці» [5, с. 310]. Желая спасти своего будущего ребенка, одна беременная женщина отправляется в лес, который описан в сказке как идеальное убежище: «Ведама, лес вялік – няма яму ні канца, ні краю. Жыві ў ем хаць век – ніхто не трапіць» [5, с. 310]. В лесу женщина строит себе жилище в стволе большого дерева, а также спасает медвежат. За это медведица каждый день приносит ей в лесной дом мед в знак благодарности. Беглянка рождает мальчика и живет в лесу до наступления холодов, а затем возвращается в родное село. Медведи везут мать и сына и все их вещи на себе; затем уходят обратно в лес.

Сын женщины становится кузнецом, побеждает царских слуг, по-прежнему желавших его убить, и спасает царевну, причем ее похититель, Кощей, гонится за молодыми людьми по лесу: «Выбраліся яны з палацаў да й паехалі лесам, Кашчэй Бяссмертны за імі гоніцца. Ад таго імпэту ўсхадзілася бура; лес трашчыць, ломіцца, от так і кладзецца лоскам» [5, с. 319].

Особенностью данной сказки является то, что она не заканчивается воцарением главного героя. Он женится на царевне, становится мудрым правителем, но «як ні добра было Кавалю з маладою жонкаю ў тым царстве, як ні паважалі яго, ён усё-такі не забываў сваю радзіму» [5, с. 320]. На вопрос жены о причине своего плохого настроения кузнец отвечает, что «яму хочацца праведаць сваю родную матку, хочацца хоць разок зірнуць, што робіцца ў родным сяле» [5, с. 320]. И когда они с царевной приезжают в родное село, описывается сцена встречи сына и матери, возвращения героя к истокам: «Вось прыехаў Каваль, знайшоў матку ў старой хатцы да й кінуўся на шыю, давай яе абдымаць да цалаваць» [5, с. 320]. На примере данной сказки мы можем сказать, что лесной дом в фольклоре у белорусов может быть прекрасным убежищем. Герои сказки спасают лесных обитателей (медвежат, пчелу, мышь), за что те помогают им в дальнейшем. Кощею же и Бабе Яге, главным антагонистам сказки, не удается победить кузнеца даже на своей, казалось бы, территории, и они терпят сокрушительное поражение. Однако и родной дом главного героя играет в повествовании очень важную роль: даже живя во дворце, он скучает по своей матери

и родному селу. Вероятно, так проявляется особенно трепетное отношение белорусов к родным местам.

В финале сказки возникает образ идеального царства, куда отправились главные герои: «... царства, дзе ўсе людзі роўна працуюць, з працы жывуць, адзін другому памагаюць, а затым і ліха не маюць» [5, с. 320]. Несмотря на то, что это идеальное государство не имеет названия, развернутая характеристика создает его красочный образ, который является, помимо того, еще одной вариацией концепта *дом* в белорусских сказках.

Заключение. Таким образом, нами выявлено, что концепт *дом* в белорусских волшебных сказках выступает в трех вариациях: родительский дом главного героя (героини), лесной дом, а также новый дом (обретаемый, например, после воцарения). В ряде случаев данные вариации могут пересекаться: так, лесной дом может стать для персонажа постоянным жилищем, либо главный герой даже после воцарения возвращается в родной дом, к истокам. Чем сложнее и противоречивее конфликт, чем больше препятствий встречается на пути главных героев, тем ценнее для них *дом* и тем больше они любят его и почитают. Герой должен покинуть «зону комфорта» и принять вызов неизвестности, если хочет стать достойным своего рода, предков. Отношение к *дому* персонажей белорусских сказок, если и меняется, то только в лучшую сторону, а радость возвращения или обретение нового *дома* становится неизменным лейтмотивом концовки сказки. Отмеченные закономерности свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований в данном направлении, равно как и об особой значимости концепта *дом* для лингвокультурного пространства белорусских волшебных сказок, что подтверждается их текстами.

Литература

1. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: сб. науч. тр. / Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина; под науч. ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 230–232.
2. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.
3. Фрээр, Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж.Дж. Фрээр. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 976 с.
4. Карпова, О.М. Лингвокультурное пространство города (на материале словаря «Florence in the Works of World Famous People») / О.М. Карпова // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 58–62.
5. Чарадзейныя казкі: у 2 ч. / склад.: К.П. Кабашнікаў, Г.А. Барташэвіч; рэдкал.: В.К. Бандарчык (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – Ч. 1. – 639 с.
6. Чарадзейныя казкі: у 2 ч. / склад.: К.П. Кабашнікаў, Г.А. Барташэвіч; рэдкал.: В.К. Бандарчык (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – Ч. 2. – 691 с.
7. Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / Н.А. Гончарова [и др.]; под общ. ред. Н.А. Гончаровой. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 480 с.
8. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Маслова, В.А. Духовный код в русской лингвокультуре / В.А. Маслова // Chrzescijanskie dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Język. Literatura. Kultura. Historia. – Białystok, 2016. – Т. 1. – С. 315–324. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26217> (дата обращения: 14.10.2023).
10. Дучыц, Л.У. Язычніцтва старажытных беларусаў / Л.У. Дучыц, І.Я. Клімковіч. – Мінск: Харвест, 2018. – 368 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023